

евгений матвеев

kak-mo

mak

Евгений Матвеев
Как-то так

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70207603
SelfPub; 2023*

Аннотация

Неправдивая история из жизни двух стариков, основанная на нереальных событиях, исполненная в несуществующем времени.

Евгений Матвеев

Как-то так

Горошина, старая, сухая и сморщенная, как и весь дом, в котором она проводила последние часы своей трехгодовой жизни, висела над пропастью. Выкатившись из бездонного кармана, пришитого суровыми нитками к огромной юбке, которая была надета на талию объемом в два центнера, Горошина остановилась у края печи.

Толстое тело, лежавшее на этой самой печи, причмокивая беззубым ртом, расположенным между холмами щек, мусолило деснами горошины, которые ее правая рука сквозь сон, вынимала с последовательной периодичностью из бездонного кармана.

Балансируя между жизнью и смертью. Горошина, своей гороховой головой понимала, что свались она с русской печки, то непременно угодит в одну из двух жерлообразных волосатых ноздрей, расположенных на расплюсненном, сизом носе.

Видавший виды нос, принадлежал сморщенному старику, похожего на загнутый огурец, вынутый из плесневелого рассола дубовой бочки. Скрестив руки на груди, старичок мирно посапывал.

От храпа, вырывающегося из тонюсенькой грудной клетки, спрятавшейся за вышитым узором детской косоворотки

– керосиновая лампа, стоящая на покосившемся от хорошей жизни деревянном столе из не строганных досок, подпрыгивая в забористом танце, приближалась к его краю.

Широкая лавка, на которой мирно почивал небесный ангел, сошедший со смертного одра, качалась в такт стариковского, убаюкивающего дыхания. Одна деревянная ножка лавки, облитая вареньем, была основательно обгрызана голодной мышью. Обожравшись сладкой древесины, мышь, валялась рядом в сладостном сне, скрестив лапки и откинув в сторону хвост. Хвост находился в опасной близости от укороченной мышиним пиршеством, лавочной ноги, которая при каждом нежном вздохе старого младенца, стуча об пол, подходила все ближе и ближе к хвосту разомлевшей от счастья мыши.

Сухая и сморщенная Горошина, устав цепляться за последние секунды свой жизни, рухнула вниз. Одна из широких и мохнатых ноздрей Сливового носа – приняла ее в свое лоно с распростертыми объятиями. Закупорив наглухо и застряв в растительности одного из двух жерл вулкана, расположенного в носу мирно почивающего старичка, Горошина замерла.

Сморщенный огурец в образе небесного разваливающегося ангела, ничего не поняв сквозь райский сон, лишь почесал тоненьким пальчиком нос. Горошина, перекрыв один из путей выхода воздуха из богатырской груди, расплющенной на лавке, создала ситуацию, вследствие которой храп усилился.

Керосиновая лампа запрыгала на столе сильнее и находилась уже совсем на его краю.

В носу у Божьего создания засвербело. Не понимая сквозь богатырский сон, что происходит, он в порыве свербящего приступа несколько раз быстро вздохнул плоской грудью, и сантиметровая в диаметре грудная клетка небесного ангела, наполнившись воздухом, стала походить на человеческую. В носу засвербело сильнее. Еще несколько раз хватанув кислорода, старик чихнул.

Одной ноздри оказалось мало, чтобы воздух, скопившийся от частых вздохов, смог весь вылететь наружу. Горошина, как бы ей не хотелось покидать уютное убежище, все же под давлением богатырского выдоха, вылетела наружу через вторую ноздрю.

Мохнатая растительность, расположенная в жерле ноздри, не смогла предотвратить неизбежность полета. Получив третье космическое ускорение, горошина, врезавшись в потолок и рикошетом от него отскочив, ударила прямо в глаз двухсоткилограммовой Дюймовочки, мирно спавшей на втором ярусе русской печи.

Шевеля во сне беззубым ртом, нежное создание, от боли вскрикнув, взмахнула руками. Одна из рук пудового веса, смахнула чугунок, пристроенный на полочке над печкой. Рухнувшая вниз чугунная посуда, оказалась одетой на кудрявую голову прекрасной Незабудки.

Дикий рев, раздавшийся из-под чугунка, был допол-

нен громоподобным звуком, издаваемый организмом, вследствие переедания гороховой каши.

Старик, в ужасе от этого проснувшись, подпрыгнул на лавке и тем самым наклонил ее, направив обгрызанную ножку на хвост млеющей от счастья на полу мыши. Взметнувшись в высь, мышь, в ужасе и от боли растопырив все четыре лапы в сторону, издала такой визг, что он на время перекрыл рев, доносившийся с печи.

Плюхнувшаяся на пол керосиновая лампа, разбившись, окатила своим содержимым, до сих пор находившуюся в воздухе и орущую мышь. Подскочивший дед, в страхе переместился на другой конец лавки и тем самым ее качнул. Освободившаяся мышь, в истеричном ужасе и не помня себя от страха, по гладкой стене печи взлетела наверх и, ища укромную щелку, где можно укрыться, юркнула по жирному телу в чугунок, надетый на голову хозяйки верхнего яруса русской печи.

После секундного замешательства, рев космической ракеты, раздавшийся из-под чугунок, перекрыл все мыслимые децибелы человеческого организма. Не выдержав такой нагрузки, посуда не выдержала и разлетелась на мелкие кусочки. Оглушенная мышь, всеми лапами вцепилась в седые кудри обладательницы двухцентнерового диаметра юбки и в ужасе вращала глазами.

Сидя на печи и продолжая реветь громче всего невысказанного, хозяйка огромного тела, еще раз издала страшный в

своей силе звук перееденного гороха, от чего он предал всей этой массе ускорение, и швырнул ее с печи вниз. Лопнувшая юбка от невероятной силы взрыва – оторвала пришитый к ней карман, из которого высыпался припасенный на ночь горох.

Обрушившись с печи, любительница поесть всей своей грузной массой угодила на лавку, разломив ее пополам. Сморщенный старичок, сидевший на самом ее конце, сломанной доской по принципу качелей был отшвырнут, и, плюхнувшись о стену, стекал по ней на пол.

На сидевшую на полу с мышью в кудрях массу тела – скатывался с печи сухой горох, тихо шурша, перекатываясь с места на место.